

ЧТЕНИЯ ПО ГРАЖДАНСКОМУ ПРАВУ¹

УЧЕНИЕ О ЛИЦЕ

Дювернуа Н. Л.

Точкой отправления для цивилистических построений должно служить понятие о лице. Понятию лица (*persona singularis*), в анализе юридических явлений, противопоставляется объект права, часто вещь. Это понятие лица, как образующее, входит в состав юридических отношений, какого бы они ни были содержания. Для юридических отношений гражданского права оно существенно в особенности.

Понятие личности в гражданском праве может быть отождествлено с понятием конкретной гражданской правоспособности.

В условиях исторически-данного юридического быта возможна полнота правоспособности присвояемая отдельному человеку, субъекту правоспособности.

Чтобы определить весь объем правоспособности отдельного человека, надлежит представить себе сумму отдельных юридических отношений, в коих действительно находится, или способно находиться, в условиях данного быта, отдельно взятое лицо. Полнота правоспособности не будет, по содержанию своему, одинаковой в равных исторических условиях. Есть условия, где полнота правоспособности отдельного субъекта, по содержанию ее, определяется целым рядом институтов гражданской системы, институтами права семейного, институтами прав вещных, собственности, прав на чужую вещь, прав договорных, завещательных и прочее.

В этом развитом виде понятие правоспособности полной, принадлежащей отдельному человеку, мы находим в римской гражданской системе. Как собирающего, сосредоточивающего в себе оригинальным образом (первообразно и самолично) и осуществляющего всю эту сумму правоспособности, мы можем представить себе только вполне волепоспособного, зрелого, бдительного, человека.

Но не одним этим случайным явлением личной энергии в гражданской сфере определяется специфический, в личном смысле, характер юридического быта римского народа. Если бы правоспособность гражданская условливалась каждый раз фактической наличностью сильных характеров, то в юридическом быту римского общества не доставало бы свойств постоянства, известности и непрерывности юридических отношений, которые мы находим в действительности. Когда уходит со сцены предположенный нами деятельный субъект гражданской правоспособности, то, с этим вместе, цельная в его лице сфера его гражданских отношений не исчезает тотчас, вместе с ним. Свойство этих отношений личное, сосредоточенное, удерживается, временно, в известной степени неподвижности, в «лежащем наследстве» (*hereditas jacens*). Можно ли назвать это сосредоточенное состояние имущества безличным, хотя временно нет известного человека, определенного индивидуума, который давал бы активный характер этой сосредоточенной гражданской силе? Отнюдь нет, ибо для наличности гражданской правоспособности нет нужды (и не в одном этом случае) в непрестанно деятельном состоянии правоспособного субъекта.

Правоспособность и чисто личный характер юридических отношений, сосредоточенный и объективно известный, продолжает существовать, несмотря на отсутствие активного органа ее осуществления, несмотря на парализованное его состояние, ибо он необходим, как постулат всего социально-юридического строя в данных бытовых условиях, а не какого-то отдельного человека только. Без этого, длящегося в личном смысле состояния юридических отношений умершего, невысказано было бы постоянство и преемственность их, точно так, как оно было бы невысказано при условии произвольного появления новых и бесследного исчезания прежних правоспособных субъектов.

¹ У данному випуску наводиться фрагмент з твору М.Л. Дювернуа «Чтения по гражданскому праву».

ния оно подлежит, самостоятельной, личной, или данное имущество и все юридические отношения, с ним связанные, не смотря на постоянство его назначения, на известность, притязающих к пользованию им, не самостоятельно, не есть отдельная величина, а лишь часть другой? В первом случае мы примем особность и личность этой имущественной сферы; во втором – нет. То обстоятельство, что имущество будет фигурировать в обороте, как казенное, университетское, мирское, а пользоваться им будут все же люди того или другого круга, вовсе не изменяет формы гражданского обладания им, как личной в гражданском смысле, точно так же, как имущество отдельного человека не перестанет быть его имуществом, хотя право пользования им будет долгое время, быть может, всю жизнь собственника, принадлежать пользователю.

Обстоятельства, наиболее смущавшие мысль наших юристов в вопросе о форме имущественного обладания там, где нет отдельного человека, условлены, как мы видели, тем, что в этих формах за юридической конструкцией как будто вовсе скрыт живой человек. Мы уже сказали, что цель отдельности и личного характера обладания для коллективных единиц, в смысле материальном, не в них самих, как она может быть (но может и не быть) и у отдельного человека, а в общеизвестности и постоянстве гражданских отношений.

С другой стороны, и отдельный человек является, как мы увидим подробнее дальше, в своих гражданских отношениях не как физическая особь со всеми бесчисленными видоизменениями ей свойственными. Савиньи справедливо обращает внимание на то, что, говоря о человеке, как субъекте прав гражданских, мы отбрасываем целую массу характеризующих лично каждого моментов. В отношениях гражданского характера для нас столь часто вовсе безразличен нравственный мотив действия человека, безразличны столь многие социальные положения людей, физические их свойства, которые кладут на живого человека и на его судьбу неизгладимую печать, безразличен тот или другой способ пользования имуществом и пр. В понятие лица, в его функцию, как субъекта гражданских прав, входят далеко не все эти черты живой действительности.

Представление лица, правоспособного субъекта, есть абстракция всегда и везде, где речь идет об организованном гражданском быте. Это – юридическая переработка живого явления не только там, где правоспособна община, союз людей, установление, но и там, где правоспособен отдельный человек.

И тут, и там этой переработкой достигается для мира субъективных юридических отношений

та же цель, какая для вопросов права достигается известным приемом образования юридических положений или правил. Право не достигнет необходимой для его осуществления известности, если оно не превратится в комплексы определенных положений, правил, норм, институтов, хотя Юлий Павел верно замечает, что правила из права, а не право из правил, ведут свое происхождение (L. 1 D. de R. J.). Однако, там, где нет этих правил, там право будет *jus incertum* и, как говорит Цицерон, *paene ridiculum*. – Точно также в основе отдельных прав гражданских лежат многообразные мотивы, интересы, расчеты и цели, но все эти внутренние факторы, влияющие на образование прав в субъективном смысле, не в состоянии нам дать того, что составляет нашу задачу. Нам необходима известность, постоянство, распознаваемость живых юридических отношений, а достигнуть этого мы не можем иначе, как мысля обособленными сферами этих правоотношений, личными, все равно, кто бы ни был правообладателем, дитя, зрелый, здравомыслящий, предусмотрительный, легкомысленный, сумасшедший, отдельный человек, группы людей, сословия, товарищества, казна и проч.

Искание воли, как необходимой и постоянной основы для всякой правоспособности, составляет задачу, поставленную совершенно врозь с задачами собственно цивилистических построений. Раз найдена постоянная связь известных юридических отношений с юридически определенным правообладателем, кто бы он ни был, отдельный человек, или та или другая союзная форма, цель цивилиста достигнута. Нам видны все роли юридической драмы, кто истец, где ответчик, владелец, покупатель, правопреемник, собственник, должник, веритель, и мы укажем выход (юридический) из любой коллизии, независимо от вопроса, кто скрывается за этими юридическими фигурами, живой или мертвый, молодой или старый, вся компания или особенно чтимый ее член – учредитель такой-то.

Не воля человека и не интерес или пользование того или другого субъекта дают общий критерий, коим определяется устойчивость правоотношений в данном юридическом быте. Воли может не быть в данной метаморфозе личного обладания, интерес может оказаться совершенно проблематическим, но эти вопросы права, его принадлежности, его субъекта, не устраняются. Их нельзя связать исключительно с наличием таких колеблющихся, хотя и существенных для права реквизитов. Основу всеобъемлющую, неизменяющую и постоянную для понятия лица следует искать в интересах высшего порядка. Решающим здесь будет

начало необходимости, реквизит нормы, непрерывной известности правоотношения, все равно, хотят или не хотят этого люди, выгодно это для них или убыточно. Этот реквизит не может быть чисто субъективным, отвечающим только требованию свободы или личной выгоды; это должен быть интерес социальный, постулат общего правопорядка, объективный, отвечающий в тоже время требованиям необходимости, социально-юридический.

Только с этой точки зрения и при этом критерии мы осветим себе все темные места общей системы гражданских правоотношений, возможность права для круга субъектов, где нет воли, для таких построений, где интерес конструкции вовсе не связан с правообладателем, и длящаяся совокупность правоотношений, когда нет носителя [6].

Вопрос, где предел образованию таких форм, есть праздный для цивилиста, и если бы немецкому юридическому сознанию и целям известности правоотношений не были противны конструкции правоспособных мопсов, которые предлагает гейдельбергский профессор Эмануил Беккер, то суды немецкие должны были бы покорно идти этим путем. Мы защищаем ту тезу, что человек, его сознание, его воля, лежащие в его нравственной природе стремления служат основой права и его норм, юридического быта и юридических отношений, но для того, чтоб это составляло постоянную черту быта культурных обществ, вовсе нет необходимости, чтобы каждый отдельный правообладатель был волеспособен, разумен и проч.

Употребление термина «лицо» ныне не одинаково в юридической технике разных стран. Оно наиболее соответствовало цели в римской терминологии. Французы не всегда пользуются им, где это несомненно полезно. Весьма нередко, когда французскому юристу надо обозначить правообладателя абстрактно, независимо от обладания в той или другой сфере правоотношений, вещной, обязательственной, он употребляет совершенно неточно слово *proprietaire*, собственник, *proprietaire de la maison, de la creance*, тогда как, точно выражаясь, мы имели бы собственника только в 1-м случае, а во 2-м верителя. Последствия этой неправильности очень важны, и мы будем иметь случай сказать об этом позже еще раз.

Немцы не делают этой ошибки, ибо у них употребителен термин «лицо», как и у римлян, для абстрактного обозначения правообладателя, правоспособного, независимо от того, что составляет предмет обладания, стало быть, абстрактно.

Римляне везде и все, что представляет собою обособленную правоспособность, именуют просто лицом: не только человека, но и сменяющуюся в коллективном единстве совокупность лиц, *persona*

coloniae ipsius, не только лицо живого правоспособного, но и определившуюся сферу правообладания умершего, *persona defuncti*. И так, тут технический термин «лицо», «*persona*», есть вполне абстрактный и сам себе равный для всех случаев, где надо обозначить обособленную правоспособность, самостоятельно определившуюся сферу гражданских правоотношений и в этом виде функционирующую в гражданском обороте с необходимым для этой цели свойством постоянной ее юридической известности.

Мы могли бы, при самом развитом обмене, обойтись этим простым термином, как им обходились римляне. Terminotechnici, теперь употребительные для двух явлений правоспособности, особенно у немцев, для правоспособности отдельного человека и коллективных единиц, далеко не суть ни удачные, ни выдержанные, ни точные. Сама правоспособность везде одна. То обстоятельство, что она присвоена установлению или отдельному человеку, не видоизменяет ее в существе. Называть человека правоспособного лицом физическим, а корпорацию юридическим, нет никакого основания. Немецкие систематики учат, что правоспособность лица физического прекращается с его смертью. Затем, однако, из других §§ тех же немецких систем мы узнаем, что со смертью человека его юридические отношения не должны прекращаться, а должны продолжать свое существование, но уже не в единстве физической личности (римляне не боялись связать *persona defuncti*!), а в новом виде, в виде лица юридического, лежащего наследства (классики удачно говорят *personaе vice fungitur*) [7].

Таковы результаты сочетания римских понятий, вернее, терминов с современными теориями! Нельзя не сказать, что они довольно уродливы. У римлян *persona* живущего и *persona defuncti* одна и та же, так же как и *persona colooiae*. Только известность, дееспособность, пределы правоспособности разных лиц в разных случаях не одинаковы. Тогда и следовало бы учить так: лицо, в гражданском смысле, есть понятие единое, всегда устанавливаемое методом юридическим, но способ определять в конкретных случаях известность лица, пределы личной правоспособности, дееспособность разных лиц не одинаковы. По этим признакам можно различать разные роды лиц, лица с более широкой сферой правоспособности и с более ограниченной, дееспособные и нет, юридическая известность существования коих определяется моментом рождения физического, или иными признаками, указанными правом. Это не значит, что одни лица суть лица по физическим причинам, а другие по юридическим.

Как отдельные люди, так и союзы людей суть лица в смысле права, *juris interpretatione*. Нельзя утверждать, что одни из них суть реальные особи, а другие только мыслимые. Правообладающий союз людей отнюдь не менее правоспособен, чем отдельный человек в соответствующей сфере, и исторически правоспособность союза вовсе не составляет подражания, уподобления, явления последующего за правоспособностью отдельного человека, а скорее наоборот. Только отрешившись от исторической почвы догматизм мог создать такие представления в юриспруденции. Точно также никаких подобий воли человека нам не надо вымышлять, чтоб иметь субъектов, коллективно обладающих правом, ибо и сам человек является правоспособным не в той только мере, в какой он волеспособен и в какой он способен быть лично пользователем земных благ. Весь вопрос о личности должен быть отрешен для каждого отдельного случая от этих фактических моментов и поставлен в связь не только с интересами и волей людей, как отдельно взятых разумных существ, а в то же время с интересами общежития, известности, постоянства, непрерывности юридических отношений и их обмена в гражданском быту.

Однако, группировка лиц по двум названным категориям не только не устраняется из современной терминологии, но даже как будто приобретает право гражданства. Ее знает прусский ландрехт (*moralische Personen*), ею пользуется, хотя умеренно, австрийский кодекс. Новый саксонский прямо начинает с этих двух категорий лиц свою систему (впереди только положения о нормах). Лоран хочет ввести незнакомое до сих пор французскому кодексу деление 1-й книги на две части: 1-ю для *personnes physiques*; 2-ю для *corporations*. Испанский гражданский кодекс 1889 г. ввел это деление в свою систему (см. перевод А. Лева, liv. I, titre 2, chap. II des *personnes juridiques*). Новый кодекс 96 г. дает 69 параграфов для понятия юридического лица (§§ 21 – 90) в составе Общей части. Борьба юристов, указанная выше, против понятия юридического лица, стремление заменить его иным наименованием (имущество цели, пользование дестинариев) не дает результата. У нас не только в учебниках, но и в практике судов термин «юридическое лицо» весьма распространяется.

Мы имели в виду предшествующим изложением коротко резюмировать фальшивые стороны и последствия употребления этого термина, многочисленные недоразумения, которые влечет за собой деление лиц на существующих в природе (физических) и будто бы в природе не существующих, только мыслимых. Затем, однако, самый термин, с этими оговорками, особенно с прибавкой

die sogenannte juristische Person удерживается как безвредный в употреблении даже открытыми врагами фикций в праве.

Наше законодательство его не знает, и граф Сперанский в этом отношении стал ближе к подлинному римскому праву и к новому направлению цивилистической литературы, чем некоторые предшествующие и последующие кодексы западные. Т. Х, ч. I говорит только о лице, а не о двух категориях лиц в правоотношениях гражданских. Позднейший кодекс, образовавшийся у нас, ч. III местн. узаконений остзейских, вводит термин «юридическое лицо» в отдельных случаях (см., напр., ст. 713, 1692, 2913, 2918).

Положение немногих статей Х т. ч. I, сюда относящихся, в системе весьма характерно. Известно, что 1-я книга Х т. имеет своим содержанием права и обязанности семейственные, так что собственно имущественные институты расположены в 3-х последующих книгах. При этом книга 2-я (о порядке приобретения и укрепления прав на имущества вообще) распадается на три раздела: 1) о разных родах имущества, 2) о существе и пространстве разных прав на имущества, 3) о порядке приобретения и укрепления прав вообще, из коих лишь в 3-м, последнем, мы встречаем определение круга лиц имущественно-правоспособных.

Это глава 1-я раздела 3-го книги 2-й, озаглавленная так: о лицах, могущих приобретать права на имущества. Здесь любопытнее всего указание на личный характер имущественного обладания, данное в титуле этой главы. По содержанию очень краткая глава 1 этого раздела (всего 3 статьи, 696, 697 и 698) вполне соответствует статьям 406 – 415, которые трактуют о разных родах имущества по свойству лиц, ими обладающих (имущества государственные, удельные, разных установлений, общественные и частные).

Сочетание того и другого ряда статей дало бы то, что в Code civil выработано (несравненно точнее) в tit. I Chap. III livre II под титулом «des biens dans leur rapport avec ceux qui les possèdent art. 537 – 543) и началу liv. III «des différentes manières, dont on acquiert la propriété». Соответствие, конечно, далеко неполное. Затем, французы имеют книгу 1, трактующую des personnes и заключающую в себе не один права союза семейственного, а общие положения de la jouissance et de la privation des droits civils, des actes de l'état civil, du domicile, des absens. Соответствующих этому положений наш Х т. не заключает и в пору его возникновения заключать не мог.

В условиях теперешнего праворазвития мы близко подходим к потребности таких же и еще более развитых, чем в Code civil, общих опред-

елений гражданской правоспособности. Но X т. остается тем же, каким был, и в ст. 698 мы читаем: все прочие (выше указано верховное обладание имущества государственными и обладание удельными имуществами) права на имущества, по различию самых имуществ и в пределах, законом определенных, могут приобретать: 1) Члены Императорского Дома; 2) дворцовые управления; 3) казна; 4) дворянские, городские и сельские общества; земские учреждения именем земства имеют право приобретать недвижимые и движимые имущества; 5) епархиальные начальства, монастыри и церкви; 6) кредитные установления, богоугодные заведения; 8) учебные и ученые заведения; 9) частные лица, 10) сословия лиц, как-то: товарищества, компании, конкурсы. В примечании к этой статье читаем, что пространство и свойство сих прав подробно обозначены 1) для отдельных лиц и обществ в законах и состояниях и особ. Прил. к IX т., и в Св. воен. постановл.; 2) для установлений – в уставах их и учреждениях; 3) для казны в Устав. казен. управления и госуд. благоустройства.

Таковы общие ссылки статьи на другие части законодательства; рядом с этим идут и особые указания (см. Боровиковского).

Статья эта и указания в примеч. развивались в своем содержании вместе с движением законодательства, особенно в царствование Александра II, в связи с расширением гражданской правоспособности на совершенно иной круг лиц, чем в пору, когда статья составлена в ее первоначальном виде.

В ряду перечисленных статьей 698 правоспособных в имущественном отношении субъектов названы (п. 10) конкурсы.

Юриспруденция того времени, когда составлялся Св. Закон., нам мало известна, а под ст. 698 и 415 не приведено указов, на коих они

основаны. Между тем в практике нашей, в виду 27 ст. Уст. Гр. Суд., возник вопрос, надлежит ли конкурсу иметь особого по суду поверенного для исков и ответов, как этого требует ст. 27 для обществ, товариществ и компаний. Сенат, приняв во внимание ст. 698. 10 т. X и 27 Уст. Гр. Суд., нашел, что в ст. 698 п. 10 конкурсы сравнены с товариществами и проч. только по правам на приобретение имущества, что едва ли справедливо в виду ст. 415 – 419 т. X. ч. I, и заключил, несомненно основательно, что конкурсные управления, по точному смыслу 1931 ст. Уст. о Торг. Несостоят., принимая дела несостоятельного, управляют оными в качестве уполномоченного от всех заимодавцев (Реш. Гр. Кас. Деп. 1877 г. N 100; ср. еще там же N 17, где читаем: опекуны, когда их несколько, представляют в совокупности личность малолетнего и, по самому существу понятия о представительстве, составляют как бы одно лицо; N 48 – для понятия администрации; N 52 – несостоятельность умершего и конкурсное управление по делам наследства; ст. 1931 с толков. по изд. Устава Торг. г. Носенко; эта ст. теперь есть 552 в Уст. Суд. Тор. по офиц. изд. 1887 г.).

Таким образом, в виду недостаточной обоснованности нашей легальной терминологии, несогласованности разных частей законодательства и неудобств, встречаемых практикой, мы не можем держаться той группировки лиц, какую дает нам ст. 698 X т. Правоспособные лица, сами, и органы, представляющие их, не могут, без вредных последствий для всех цивилистических конструкций, быть поставлены в одну категорию явлений. Анализ этих явлений несомненно лучше выполнен в западных кодексах, о коих мы говорили выше, благодаря высшему развитию там юриспруденции, и в этих же приемах анализа явно чувствует потребность наша теперешняя практика.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. См. Унгера, System des oesterreichischen allgemeinen Privatrechts § 60.
2. Подробные литературные указания можно найти во многих хороших учебниках пандектного права. Для обозрения различных направлений в изысканиях немецких юристов и разных опытов конструкций юридического лица за время до 1873 года может служить премированное Лейпцигским факультетом сочинение Zitelmanna «Begriff u. Wesen der s. g. juristischen Person». В г. Цительман мы могли бы приветствовать самого решительного германиста в юриспруденции, если бы его построение понятия юридического лица соответствовало задачам именно юридических конструкций. Г. Цительман произносит некоторого рода молитву об освобождении немецкой мысли от чужого влияния. «Moge es uns gelingen durch die folgende constructive Eitwicklung die destructive Kritik, die bis jetzt auf die fremde Ansicht gegeben ist, zu ergänzen, zu bestätigen und zu erläutern. Основа этой, как и некоторых последующих юридических построений Цительмана, взята автором из области психологии, куда окончательно имеет попасть и мыслимый г. Цительманом субъект права... Как это должно произойти — ясно из той внутренней основы, которую дает Цительман своему понятию лица юридического. Она заключается в безтелесной воле! Корпорации суть «unleibliche Witten». Способность воли, Willensfähigkeit, без плоти, ohne Leiblichkeit — вот что необходимо для того, чтоб вытеснить римские фикции и заменить их понятными для немецкой мысли образами! Лейпцигский факультет не оказался достаточно немецким, чтоб освоиться с этим построением и, награждая автора, оговорил свою непричастность этим идеям о лицах столь легко способных улетучиваться... В настоящее время несомненно самые значительные заслуги по разработке этого вопроса принадлежат профессору Оттону Гирке (O. Gierke теперь в Берлине, о нем в подробности позже). Это три большие тома исторического содержания, к коим присоединен четвертый обширный волюм, посвященный теоретической части вопроса о союзных формах, которые Гирке вообще называет Genossenschaften. Из 3-х первых томов (1 — Rechtsgeschichte der deutschen Genossenschaft, 1868,

2 – Geschichte des deutschen Körperschaftsbegriffs, 1873, 3 – die Staats- und Corporationslehre des Alterthums und des Mittelalters und ihre Aufnahme in Deutschland, 1881) особенно 3-й представляет собою изумительно богатую по содержанию и превосходно написанную историю догмы по этому важному вопросу, доведенную автором до XVI в. Мы имеем в настоящее время работу г. Л. Гервагена о юридическом лице, в которой русские читатели найдут подробный очерк литературы вопроса и отчетливые сведения по истории догмы, основанные на сочинениях Гирке. Последняя работа Гирке «Die Genossenschaftstheorie u. d. deutsche Reehtssprechnng» представляет собою тоже германистскую попытку вытеснить неподходящие римские конструкции своими, более, конечно, говорящими немецкому уху, глазу, чем бледные, бескровные римские построения. Дальнейший анализ содержания названного сочинения мы сделаем в специальной главе для учения о юридическом лице. Для русской публики наилучшим пособием в истории литературной разработки вопроса будет, несомненно, отныне служить напечатанная профессором Н. С. Суворовым в 1892 г. книга «Об юридических лицах по римскому праву», где читатель найдет богатые литературные указания и мастерское изображение всего литературного движения в Германии по этому предмету, особенно в главе 1-й. После 1892 г. надлежит отметить для немецкой литературы в особенности указанные выше Deutsches Priv. Eecht. O. Gierke, 1895 г., а также появившиеся в 1893 г. Pandekten Ferdin. Regeisberger'a. Ныне мы имеем второе изд. книги Н. С. Суворова, значительно дополненное.

3. Тоже для пекулия, peculium nascitur, crescit, deerescit, moritur, et ideo eleganter Papirius Fronto dicebat, perulium simile esse homini, но все же это не есть особый субъект, persona в техническом смысле.
4. Какой оттенок немецкая речь присваивает глаголу dürfen в юриспруденции – об этом Бирлинг в св. книге Zur Revision d. jurist. Grundbegriffe дает целый экскурс.
5. Есть ли здесь, в самом деле, принцип, это, как известно, очень спорно. Бельгиец Laurent говорит: l'interet n'est qu'un mobile, qui rapproche (всегда ли?) les hommes. ce n'est pas un principe.
6. Не одни перечисленные в тексте явления личного правообладания оставляют, при субъективном критерии, темные места наших гражданских систем. Мы на них остановились здесь, ибо трактуем вопрос о лице, как субъекте целой сферы правоотношений. Но тот же вопрос о субъекте затрудняет цивилистику и по отношению к отдельным правоотношениям. Таковы правоотношения по договорам в пользу 3-го, по бумагам на предъявителя, по предиальным сервитутам, где субъект остается скрытым, а право все же существует (сюда Ibering применяет отчасти свое понятие пассивного действия права). И эти явления отдельных правоотношений перестанут нас затруднять, если вместо одного субъективного критерия мы поставим еще интересы обмена, социально-юридические цели, как решающие.
7. Заметим здесь любопытный оборот речи, который употребляют классики, когда хотят обозначить цель, интерес совершающегося действия – defunetorum interest.

*Печатается по: Дювернуа Н. Л. Чтения по гражданскому праву / Н. Л. Дювернуа. – С. – Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, 1902.